МОСКВА.
Тип. В. А. Ждановичъ, Б. Дмитровка, д. № 5.
1907.

2589п/72

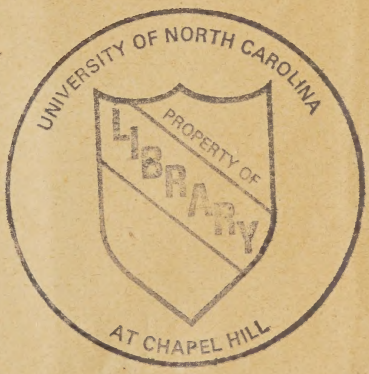
ТЕЛЬ.

DC187.8
.K33
1907

Кай Гракхъ Бабефъ—

идеологъ равныхъ.

KAĬ GRAKKH BABEF
—IDEOLOG RAVNYKH



МОСКВА.
Тип. В. А. Ждановичъ, Б. Дмитровка, д. № 5.
1907.

КАЙ ГРАКХЪ БАБЕФЪ—
ИДЕОЛОГЪ РАВНЫХЪ.

КАЙ ГРАКХЪ БАБЕФЪ—ИДЕОЛОГЪ РАВНЫХЪ.

> Первыя попытки пролетаріата, имѣвшія непосредственной цѣлью доставить торжество его классовымъ интересамъ, были произведены въ періодъ общаго возбужденія, въ періодъ крушенія феодальнаго общества; онѣ неизбѣжно должны были потерпѣть фіаско, съ одной стороны вслѣдствіе крайне низкой степени развитія самого пролетаріата, съ другой—вслѣдствіе отсутствія матеріальныхъ условій его освобожденія,—условій, которыя могли быть созданы только въ буржуазную эпоху. *К. Марксъ и Ф. Энгельсъ.* „Коммунистическій манифестъ".

Исторія „заговора равныхъ" очень поучительна. Заговоръ былъ направленъ противъ новаго деспотизма, утвердившагося во Франціи въ лицѣ крупной буржуазіи. Ко времени возникновенія этого заговора результаты французской революціи обрисовались достаточно ясно. Появившаяся на смѣну конституціи 1793 года, конституція 1795 года, или какъ ее называютъ конституція III го года, т. е. III-го года республики, отмѣняла всеобщее избирательное право; право быть избирателемъ, равно какъ и быть избираемымъ обусловливалось требованіемъ ценза; конституція III-го года выбросила изъ декларацiи правъ человѣка и гражданина 1789 года ея первую знаменитую статью «люди родятся и остаются свободными и равноправными»; она умышленно выбрасывала эту статью, такъ какъ статья эта порождала прежде всего требованіе политическаго равенства, что, какъ мы видѣли, конституція III-го года, уничтожая всеобщее избирательное право, не хотѣла признавать; кромѣ того статья эта служила поводомъ для еще болѣе важныхъ недоразумѣній, которыя буржуазія хотѣла вырвать съ корнемъ изъ сознанія народной массы.

На самомъ дѣлѣ, что вытекало изъ прямого смысла этой статьи: «люди рождаются равноправными»? Не имѣютъ ли они въ такомъ случаѣ равныхъ правъ на общее благосостояніе? Чтобы избѣжать такого опаснаго для себя толкованія, буржуазія не только вычеркнула эту статью изъ декларацiи, предпосланной конституціи III-го года, но еще постаралась точно опредѣлить, что понимаетъ она подъ равенствомъ, о которомъ говорилось въ прежнихъ декларацiяхъ. Поэтому въ новой декла-

раціи появилась такая статья: «Равенство состоитъ въ томъ, что законъ, какъ охраняющій, такъ и карающій, существуетъ одинъ и тотъ же для всѣхъ». Изъ этого дѣлалось яснымъ, что конституція III-го года понимала подъ равенствомъ только равенство всѣхъ передъ закономъ, и не только уничтожала всякіе разговоры объ экономическомъ равенствѣ, но и устраняла то, чѣмъ уже французскій народъ пользовался передъ этимъ—политическое равенство гражданъ.

Точно также, боясь народнаго возстанія, буржуазія не только не включила въ декларацію 1795 года право народа на возстаніе, провозглашенное въ статьѣ 35 декларациі 1793 года*, но и измѣнила статью 6-ю декларациі 1789 года, въ которой говорилось, что «законъ долженъ выражать общую волю». Общая воля страшила буржуазію, и она замѣнила эти слова въ новой декларациі такъ: «Законъ есть общая воля, выраженная большинствомъ гражданъ или ихъ представителей». Значитъ народные представители, избранные на основаніи имущественнаго ценза, должны были, по мнѣнію буржуазіи, представлять изъ себя націю; общая воля, или воля націи, должна была проявляться въ желаніяхъ большинства этихъ представителей; а такъ какъ большинство народныхъ представителей, при требованіи имущественнаго ценза, составлялось изъ крупной буржуазіи, то и общая воля приравнивалась не къ чему иному, какъ къ волѣ той же буржуазіи. Чего же требовала воля буржуазіи? Она требовала неприкосновенности собственности, такъ какъ къ этому уже времени большая часть національной собственности сосредоточивалась въ ея рукахъ; она требовала средствъ, которыми было бы возможно обезпечить странѣ спокойствіе и благосостояніе; а такъ какъ спокойствіе это нужно было буржуазіи для того, чтобы окончательно обезпечить за собою достигнутое ею благосостояніе, то понятно, что и средства для поддержанія своего спокойствія и благосостоянія она видѣла лишь въ одномъ: въ сосредоточеніи политической власти въ своихъ собственныхъ рукахъ. Но и этого казалось еще мало буржуазіи для упроченія своего могущества. Къ декларациі правъ она сочла нужнымъ присоединить декларацію обязанностей, которая напоминала бы гражданамъ, что они до тѣхъ лишь поръ будутъ пользоваться своими правами, пока будутъ безпрекословно исполнять

*) Статья эта была выражена такъ: „Когда правительство нарушаетъ права народа, возстаніе составляетъ для народа и для каждой его части самое священное изъ правъ и самую священную обязанность“.

возлагаемыя на нихъ конституціей обязанности. Декларація обязанностей состояла изъ различныхъ правилъ поведенія, въ родѣ, напримѣръ, такихъ: «Не дѣлайте другимъ того, чего вы не желали бы, чтобы другіе дѣлали по отношенію къ вамъ. Дѣлайте постоянно другимъ то добро, которое вы хотѣли бы получать отъ нихъ». Эти правила поведенія, предназначаемыя для людей, надъ которыми буржуазія готовилась господствовать, свидѣтельствовали о томъ, что буржуазія совершенно не раздѣляла мнѣнія относительно доброты и непогрѣшимости народа,—мнѣнія, торжествовавшаго въ періодъ только-что ниспровергнутой демократической республики и провозглашеннаго однимъ изъ самыхъ видныхъ вождей демократіи—Робеспьеромъ. Эта же декларація обязанностей напоминала лишній разъ о томъ, что весь общественный порядокъ покоится лишь на поддержаніи собственности.

Буржуазія 1795 года заговорила яснымъ языкомъ. Но почему же ей было не заговорить такъ, разъ власть находилась въ ея рукахъ? Демократія была раздавлена ею. Феодальное господство поземельныхъ собственниковъ было уже окончательно поколеблено въ предшествующіе періоды революціи, благодаря побѣдоноснымъ возстаніямъ демократіи, еще недавней союзницы буржуазіи. Абсолютизмъ былъ ниспровергнутъ; гражданская свобода и политическія права были упрочены, по крайней мѣрѣ за ней самой. Буржуазія теперь упивалась побѣдой; благосостояніе ея все увеличивалось, несмотря даже на войны, которыя велись въ защиту республики; что за бѣда, если всю тяжесть этихъ войнъ несла на себѣ демократія и если неимущіе классы страдали тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе богатѣла и наслаждалась буржуазія?

Съ другой стороны такое положеніе дѣлъ далеко не могло удовлетворить демократію и, конечно, только подготовляло почву для новаго народнаго возстанія.

Противъ кого же должно было направиться это новое возстаніе? Само собой разумѣется, не противъ же республиканской формы правленія, которую удержала буржуазія, хотя и для своей собственной выгоды! Но такъ какъ конституція 1793 года была продуктомъ демократической республики, конституція же III-го года передавала власть и управленіе въ руки буржуазіи и устанавливала буржуазную республику, то возстаніе, понятно, должно было направиться противъ именно той формы республики, которую ей придала буржуазія, значитъ, противъ конституціи III-го года. Возстаніе поэтому устремилось бы прежде всего вернуть

господство въ руки демократіи и такимъ образомъ возстановить конституцію 1793 года.

Чтобы въ зародышѣ подавить ненавистное для себя движеніе, буржуазія не стѣснялась въ примѣненіи тѣхъ или иныхъ репрессивныхъ мѣръ. Аресты, административныя высылки, преслѣдованія печати, суровые судебные приговоры слѣдовали другъ за другомъ. Но чѣмъ свирѣпѣе становилась буржуазія, тѣмъ все болѣе и болѣе раскрывалась въ сознаніи неимущихъ классовъ пропасть между ними и ею, тѣмъ все болѣе неимущіе классы, казалось, были способны проникнуться соціалистическими ученіями, указывающими на эту пропасть, на возмутительное неравенство между имущими и неимущими, которое все ярче выступало на показъ и которое буржуазія вовсе и не стараласъ чѣмъ-нибудь прикрыть. Вотъ какъ описываетъ историкъ Блосъ положеніе какъ буржуазіи, такъ и пролетаріата въ Парижѣ въ это время:

«Какая-то безумная жажда наслажденій охватила состоятельные кварталы Парижа. Шумныя празднества продолжались безъ перерыва. Игры, танцы, опьяняющія увеселенія, вплоть до дикихъ оргій, встрѣчались на каждомъ шагу. Танцовали и въ церквахъ и на кладбищахъ, гдѣ въ негашенной извести погребены были жертвы эпохи террора. На балы появлялись въ туалетахъ, которые своими вырѣзанными воротниками при коротко остриженныхъ волосахъ напоминали бы казненныхъ, или устраивали балы, на которые правомъ входа пользовались исключительно родственники погибшихъ на гильотинѣ. Театральныя представленія сопровождались бурными сценами; якобинцевъ преслѣдовали и оскорбляли самымъ недостойнымъ образомъ. Когда состоянія прокучивались, бросались на игру, ростовщичество, спекуляцію, ажіотажъ, чтобы только добыть вновь средства. Вмѣстѣ съ тѣмъ торговля, производство и обмѣнъ пріостановились. Максимумъ цѣнъ, который въ эпоху террора поддерживался съ неуклонной строгостью, теперь сдѣлался какимъ то козломъ отпущенія, на него сваливали и нужду и всеобщую дороговизну. Въ декабрѣ 1794 года максимумъ былъ отмѣненъ, но обстоятельства мало измѣнились отъ этой мѣры, такъ какъ съ отмѣной таксы на цѣны ажіотажъ, спекуляція, ростовщичество и мошенничество тутъ-то, наконецъ, и обнаружились во всей своей наготѣ. Уже послѣ паденія Робеспьера ассигнаты быстро упали въ цѣнѣ Послѣ же отмѣны максимума они упали еще ниже и притомъ неожиданно быстро. Тутъ-то и пришлось расплачиваться за старыя упуще-

нія. Продовольствованіе Парижа становилось все болѣе затруднительнымъ. Обезцѣненные ассигнаты останавливали всѣ дѣла, а правительство между тѣмъ не могло найти другого выхода, какъ продолжать выпускать ассигнаты и наводнять Францію этими бумажными деньгами все въ большемъ и большемъ количествѣ.

Но въ то время, какъ въ зажиточныхъ кварталахъ продолжалась погоня за безумными увеселеніями, изъ предмѣстій вылѣзалъ страшный въ своемъ отчаяніи призракъ нужды и голода' Жены рабочихъ съ самой полуночи, при всякой погодѣ, были вынуждены занимать очередь около хлѣбныхъ и мясныхъ лавокъ, вытягиваясь въ длинные ряды и дожидаясь момента, когда имъ, наконецъ, удастся заполучить, хотя бы за высокую цѣну, кусокъ негоднаго мяса или такого же плохого хлѣба. Максимумъ, по крайней мѣрѣ, не давалъ возможности поднимать цѣнъ. Зима еще болѣе должна была увеличить бѣдствія народа, между тѣмъ въ состоятельныхъ кварталахъ города вели все болѣе шумный и безпечный образъ жизни.»

Вотъ каково было положеніе дѣлъ въ Парижѣ, и можно ли было въ такомъ случаѣ сомнѣваться въ успѣхѣ соціалистическихъ ученій среди неимущихъ,—ученій, которыя не только съ безпощадной ясностью указывали на это неравенство, но и предлагали средства его уничтожить? Казалось бы, неимущіе должны были бы жадно прислушиваться къ такимъ словамъ... Но что же однако это были за слова, и могли ли массы, дѣйствительно проникнуться ими? Это мы сейчасъ и разсмотримъ.

1) Природа дала каждому человѣку равное право на пользованіе всѣми благами.

2) Цѣль каждаго общества – защищать это равенство, на которое часто посягаютъ сильные и злые при жизни людей въ ихъ естественномъ состояніи, и увеличивать, путемъ совмѣстной работы, общую сумму радостей жизни

3) Природа наложила на каждаго человѣка обязанность трудиться. Никто не можетъ уклониться отъ работы, не совершая при этомъ преступленія.

4) Трудъ и наслажденіе должны быть общими.

5) Существуетъ угнетеніе тамъ, гдѣ одинъ надрывается въ работѣ и терпитъ во всемъ недостатокъ, въ то время, какъ другой утопаетъ въ довольствѣ, ничего не дѣлая.

6) Никто не можетъ, не совершая преступленія, присваивать въ исключительное свое пользованіе блага земли и промышленности.

7) Въ справедливомъ обществѣ не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ.

8) Богатые, не желающіе отказаться отъ своего избытка въ пользу неимущихъ,—враги народа.

9) Никто не имѣетъ права, скопленіемъ въ своихъ рукахъ всѣхъ средствъ, лишать другихъ возможности получать образованіе, необходимое для ихъ счастія. Образованіе должно быть общимъ.

10) Цѣль революціи—уничтожить неравенство и возстановить общее счастіе.

11) Революція еще не кончена, ибо богатые захватили всѣ блага и пользуются исключительной властью въ то время, какъ бѣдные изнемогаютъ въ работѣ, какъ настоящіе рабы, изнываютъ въ нищетѣ и не пользуются никакимъ значеніемъ въ государствѣ.

12) Конституція 1793 года есть истинная и законная конституція французскаго народа, потому что народъ торжественно утвердилъ ее, и Конвентъ не имѣлъ права измѣнить ее; потому что онъ, чтобы совершить это, разстрѣливалъ народъ, требовавшій ея примѣненія; потому что онъ подвергъ изгнанію и умертвилъ депутатовъ, которые исполняли свой долгъ, защищая ее; потому что устрашеніе народа и вліяніе эмигрантовъ сопровождали составленіе и мнимое признаніе народомъ конституціи 1795 года, за которую не высказалась и четвертая часть голосовъ, поданныхъ за конституцію 1793 года; потому что конституція 1793 года утвердила неотчуждаемое право каждаго гражданина голосовать законы, осуществлять свои политическія права, собираться, требовать того, что онъ считаетъ полезнымъ, получать образованіе и не умирать съ голоду;—словомъ, всѣ тѣ права, которыя противо-революціонная конституція 1795 года нарушила.

13) Каждый гражданинъ обязанъ возстановлять и защищать волю и счастье народа, выраженныя въ конституціи 1793 года.

14) Всякая власть, установленная мнимой конституціей 1795 года, незаконна и противна революціи.

15) Люди, которые подняли руку на конституцію 1793 года, виновны въ посягательствѣ на верховную власть народа.

Приведенное воззваніе, напечатанное въ видѣ плаката, распространялось и расклеивалось по порученію Тайной Директоріи Общественнаго Спасенія; оно встрѣтило бурное сочувствіе населенія. Воззваніе это носило такое предисловіе: изложеніе ученія Бабефа, народнаго трибуна...

Вотъ, значитъ, откуда шли слова, обѣщавшія французскому народу равное право на пользованіе всѣми благами.

Кто же былъ этотъ Бабефъ, народный трибунъ?

Франсуа Бабефъ, или болѣе извѣстный подъ именемъ Кая Гракха Бабефа - народнаго трибуна, принявшій это имя Гракха въ честь одного изъ героевъ и народныхъ трибуновъ древняго Рима—братьевъ Гракховъ, родился въ 1760 году въ Пикардіи въ Сенъ-Кантенѣ. Бѣдственное состояніе семьи заставило 16-лѣтняго Бабефа снискивать самому себѣ пропитаніе, для чего онъ и поступилъ писцомъ къ нѣкоему землемѣру. Черезъ годъ мы застаемъ его уже приказчикомъ въ одномъ крупномъ имѣніи. Затѣмъ Бабефъ нѣсколько лѣтъ спустя занимаетъ должность комиссара по межевымъ дѣламъ въ одной изъ частей Пикардіи. Въ кругъ его обязанностей входила теперь забота о соблюденіи феодальныхъ правъ владѣльцевъ. Здѣсь, какъ признается самъ Бабефъ, въ пыли господскихъ архивовъ, онъ познакомился съ страшными тайнами, свидѣтельствовавшими о грабежѣ и присваиваніи, совершаемыми „сильными міра“. Напрасно впослѣдствіи политическіе противники Бабефа изъ аристократовъ упрекали его въ измѣнѣ, указывая на то, что онъ самъ исполнялъ обязанности по охранѣ феодальныхъ правъ; Бабефъ съ полнымъ основаніемъ могъ доказывать, что всю ненависть, которую онъ ощущалъ въ себѣ по отношенію къ старому порядку, онъ воспринялъ въ пыли этихъ архивовъ, убѣдившихъ его, какъ несправедливо жестокъ былъ этотъ порядокъ, основанный на феодальномъ правѣ. Что Бабефъ былъ искрененъ въ своей враждѣ къ старому порядку, можно заключить уже изъ того, съ какой душой отдался онъ дѣлу революціи. Революція погнала его въ Парижъ. 14-го іюля 1789 года мы видимъ его уже въ толпѣ осаждающихъ Бастилію. Затѣмъ, вскорѣ мы его встрѣчаемъ въ роли издателя провинціальной газеты, въ которой онъ начинаетъ изобличать зло, связанное съ феодальнымъ правомъ. Тутъ же собственно и начинаются мытарства Бабефа, какъ „народнаго трибуна“. Въ 1790 году его арестовываютъ за одну изъ статей и заключаютъ въ тюрьму въ Парижѣ; впрочемъ его скоро осво-

бождаютъ, послѣ того какъ Маратъ въ своемъ „Другѣ народа“ помѣщаетъ статью, направленную въ защиту Бабефа. По провозглашеніи республики Бабефъ, въ томъ же сентябрѣ 1792 г., получаетъ назначеніе на должность администратора Соммскаго департамента. Здѣсь ему удается напасть на слѣдъ роялистскаго заговора, что въ свою очередь создаетъ ему много враговъ среди роялистовъ, происками которыхъ онъ обязанъ своимъ смѣщеніемъ съ этой должности. Впрочемъ вскорѣ послѣ этого Бабефъ получаетъ новое назначеніе отъ республики—администраторомъ въ округъ Мондье. Однако ему пришлось оставить и эту должность, такъ какъ интриги его враговъ—роялистовъ дошли до того, что ему пришлось подумать о спасеніи своей жизни и бѣжать въ Парижъ. Въ Парижѣ Бабефъ назначается на должность секретаря продовольственнаго комитета и здѣсь, какъ и всегда, остается другомъ народа, выступая его горячимъ защитникомъ и указывая администраціи на его хроническую нищету и голоданіе. Между тѣмъ роялисты не хотятъ оставить въ покоѣ Бабефа и тутъ. Они обвиняютъ его теперь въ подлогѣ, якобы совершенномъ имъ въ бытность его администраторомъ и, пользуясь его отсутствіемъ, добиваются, что уголовный судъ Соммы присуждаетъ Бабефа къ 20-тилѣтнему тюремному заключенію. На основаніи этого судебнаго рѣшенія Бабефъ былъ арестованъ 14 го ноября 1793 года и заключенъ въ тюрьму, въ которой пробылъ около 9 мѣсяцевъ, пока во вновь начавшемся процессѣ по этому дѣлу не была обнаружена полная бездоказательность обвиненій его враговъ; лишь тогда Бабефъ, наконецъ, получилъ свободу, по постановленію суда въ Ланѣ „за совершеннымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было основаній для его преслѣдованія“. Такъ окончился этотъ процессъ, стоившій Бабефу 9-ти мѣсячнаго тюремнаго заключенія. Этотъ длинный процессъ доказывалъ только, сколь опаснымъ представлялся Бабефъ приверженцамъ стараго порядка, а также, что демократія могла дѣйствительно разсчитывать на него, встрѣтивъ въ этомъ человѣкѣ страстнаго и неутомимаго поборника своихъ интересовъ. И на самомъ дѣлѣ, вскорѣ по окончаніи процесса, Бабефъ оставляетъ свое мѣсто секретаря въ продовольственномъ комитетѣ, на которое онъ было вернулся по своемъ освобожденіи, и отдается всецѣло политической дѣятельности, направляя эту дѣятельность на служеніе демократіи.

Въ сентябрѣ 1794 года Бабефъ начинаетъ издавать газету

подъ названіемъ „Журналъ свободы печати“, однако уже черезъ мѣсяцъ вслѣдствіе нападковъ на свою газету даетъ ей другое наименованіе,именно „Народный трибунъ“,—какъ извѣстно,кличка эта впослѣдствіи сохранилась за самимъ Бабефомъ. Скоро газета начинаетъ выходить подъ девизомъ: «Цѣль общества—счастье всѣхъ». Впрочемъ Бабефу не долго пришлось выпускать свой «Народный трибунъ», такъ какъ термидористы, какъ назывались люди изъ буржуазнаго лагеря, которымъ удалось свергнуть революціонное правительство Робеспьера и Сенъ-Жюста и захватить въ свои руки власть,—обрушились на Бабефа и его газету съ такою же жестокостью, съ какимъ рвеніенъ самъ Бабефъ въ «Народномъ трибунѣ» громилъ узурпаторовъ и восхвалялъ ихъ жертвы. Такъ что уже въ октябрѣ того же 1794 года правительство отдаетъ приказъ объ арестѣ Бабефа. Бабефу приходится скрываться, что нѣкоторое время ему дѣйствительно удается. Однако 12-го февраля 1795 года его схватываютъ и арестовываютъ вмѣстѣ съ очереднымъ 33 № его газеты.

Полюбопытствуемъ, что излагалъ Бабефъ въ своемъ листкѣ, возбудившемъ такія опасенія у буржуазныхъ республиканцевъ, что правительство сочло нужнымъ не только запретить эту газету, но и арестовать самого Бабефа? Послѣднее тѣмъ болѣе интересно, что Бабефъ въ этомъ листкѣ постепенно и послѣдовательно развивалъ свои соціалистическія воззрѣнія, которыя лишь такимъ образомъ сложились въ стройную систему и послужили основой организаціи знаменитаго «заговора равныхъ.»

Бабефъ пишетъ:» для того, чтобы владѣть слишкомъ многимъ, необходимо, чтобы другіе пользовались слишкомъ малымъ. Изъ этого ясно, что все то, чѣмъ обладаютъ люди, которые имѣютъ больше той части, какая приходится на ихъ долю изъ общественнаго достоянія, есть ничто иное, какъ воровство и узурпація. Поэтому будетъ справедливо все это у нихъ отобрать. Даже тотъ, который доказалъ бы, что, благодаря присущимъ ему способностямъ, онъ былъ въ состояніи сдѣлать вчетверо больше другихъ и на этомъ основаніи получилъ вчетверо большее вознагражденіе — былъ бы тѣмъ не менѣе въ заговорѣ противъ общества, такъ какъ уже однимъ этимъ онъ нарушилъ бы общественное равновѣсіе, разрушая основанія равенства. Поэтому общественныя учрежденія должны быть таковы, чтобы заранѣе уничтожить въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ надежду сдѣлаться когда либо, благодаря своимъ способностямъ, богаче, могущественнѣе и болѣе сла-

внымъ кого-нибудь изъ его согражданъ. Или, выражаясь болѣе опредѣленно, необходимо сковать судьбу каждаго отдѣльнаго человѣка, т. е. сдѣлать такъ, чтобы человѣкъ независѣлъ отъ какихъ бы то ни было благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствъ и случайностей; всѣмъ же и каждому въ отдѣльности, равно какъ и ихъ потомству, какъ бы послѣднее не увеличивалось, необходимо обезпечить удовлетвореніе всѣхъ насущныхъ потребностей, но и только .. »Вотъ каковы были основныя мысли того ученія, которое Бабефъ излагалъ въ своей газетѣ и которое Бабефъ называлъ ученіемъ Равныхъ.

Мы видѣли, какъ буржуазія отнеслась къ этому ученію. Бабефа заключаютъ въ тюрьму. Но Бабефъ не принадлежалъ къ тѣмъ натурамъ, на которыя можно было бы воздѣйствовать угрозами и насиліями. Очутившись въ Аррасской тюрьмѣ, онъ неутомимо продолжаетъ свою пропаганду о созданіи путемъ насильственнаго переворота «общества равныхъ», при чемъ для осуществленія этого, по его мнѣнію, прежде всего необходимо было разрушить существовавшія имущественныя отношенія неравенства. Переведенный отсюда въ парижскую тюрьму Плесси, Бабефъ не только не утомляется развивать свое соціалистическое ученіе, но и находитъ тамъ людей, готовыхъ воспринять его взгляды и заодно съ нимъ стремиться къ соціальному перевороту. Можно даже сказать, что тюремная жизнь Бабефа способствовала ему организовать свой «заговоръ равныхъ»-такъ какъ наибольшее число главныхъ соучастниковъ этого заговора Бабефъ пріобрѣлъ въ тюрьмѣ Плесси. Ничто, можтъ, быть, другое не указываетъ съ такой очевидностью на живую, кипучую и самоотверженную натуру Бабефа и на его организаціонныя способности, какъ то именно обстоятельство, что существенная часть организаціи «заговора равныхъ» была предпринята и совершенна имъ въ тюрьмѣ.

Возстаніе роялистовъ въ октябрѣ 1795 года побудило правительство снова опереться на демократовъ и выпустить на свободу тѣмъ революціонеровъ, которые подобно Бабефу томились въ заключеніи за свою приверженность дѣлу народа. Освобожденный на этомъ основаніи 26-го октября, Бабефъ, конечно, немедленно же принимается за свою прерванную дѣятельность и уже 6-го ноября выпускаетъ 34 № «Народнаго трибуна». Въ то же время онъ неутомимо работаетъ надъ организаціей заговора, надъ планомъ устройства демократическаго общества.

Одновременно демократы, пользуясь случаемъ охлажденія къ нимъ вниманія со стороны правительства, основываютъ общество подъ названіемъ „Клубъ Пантеона“, которое вскорѣ уже насчитываетъ въ своихъ рядахъ до 4000 членовъ. Но нельзя сказать, чтобы члены этого общества отличались единодушіемъ. Большинство изъ нихъ принадлежало къ приверженцамъ старой демократической партіи и только немногіе члены клубы были дѣйствительно способны понять и оцѣнить соціалистическія возрѣнія Бабефа. Требовалось сплотить это общество, и вотъ Бабефъ и его единомышленники организуютъ Тайный Комитетъ, который, по выраженію друга Бабефа Буонарроти, долженъ былъ явиться высшей политической школой. Однако дѣятельность и этого комитета не имѣла тѣхъ результатовъ, которыхъ ожидали отъ него его основатели, вслѣдствіе личныхъ столкновеній между его членами, что и должно было повести къ его уничтоженію. Въ тоже время и надъ самымъ Клубомъ Пантеона готова была разразиться подобная же гроза, такъ какъ правительство, встревоженное все болѣе и болѣе ростущимъ вліяніемъ этого клуба и въ особенности дѣятельностью его главнымъ организаторовъ, рѣшило при первомъ удобномъ случаѣ закрыть опасное для себя общество. Случай этотъ не замедлилъ представиться. Правительство республики-Директорія—прекрасно сознавало, что популярность Пантеона росла соразмѣрно той энергіи, съ какой Бабефъ и его сотоварищи нападали на него за его безучастное отношеніе къ нищетѣ и голоду, испытываемому народомъ; именно здѣсь Дартэ, одинъ изъ главныхъ сообщниковъ „заговора равныхъ“, указывалъ на безумную расточительность и роскошь парижской буржуазіи, въ то самое время, какъ большинство народа было лишено самого необходимаго; точно также никто другой, какъ все тотъ же Бабефъ, на страницахъ своего „Народнаго трибуна“, продолжалъ доказывать, что люди, которые нѣкогда взяли приступомъ Бастилію, теперь погибаютъ съ голоду и томятся въ заключеніи въ тюрьмахъ. И такъ какъ массы жадно ловили подобныя слова и положеніе правительства дѣлалось все опаснѣе, то Директоріи не оставалось ничего другого, какъ постараться вернуть довѣріе къ себѣ со стороны народныхъ массъ и для этого возобновить выдачу хлѣбныхъ и мясныхъ раціоновъ, которые она же сама недавно еще отмѣнила. Только рѣшившись на такую мѣру и дождавшись успокоенія народа, Директорія осмѣлилась на такой шагъ, какъ закрытіе Клуба Пантеона.

Но еще ранѣе правительство пыталось арестовать Бабефа, что впрочемъ ему не удалось, такъ какъ на этотъ разъ Бабефу посчастливилось скрыться. Даже и этого мало; несмотря на преслѣдованія, Бабефъ не только спокойно проживалъ въ своемъ убѣжищѣ, но и продолжалъ изданіе „Народнаго трибуна“ и не уклонно проповѣдовалъ въ немъ свои возрѣнія.

Какъ бы то ни было, закрытіе Пантеона не заставило демократовъ опустить руки. Напротивъ, послѣднее то обстоятельство и побудило теперь многихъ изъ нихъ вступить въ союзъ съ Бабефомъ. Соединившись, они основываютъ новое общество подъ названіемъ «Тайная Директорія Общественнаго Спасенія», главной цѣлью котораго было выработать планъ и подготовить возстаніе. Такимъ то образомъ закрытіе Пантеона послужило къ окончательной организаціи знаменитаго „бабувистскаго“ заговора.

Выше мы уже познакомились съ воззваніемъ, расклееннымъ на улицахъ Парижа и распространявшимся по порученію Инсуррекціоннаго Комитета Общественнаго Спасенія; точно также мы познакомились съ основами ученія Бабефа, развиваемаго имъ въ „Народномъ трибунѣ“. Воспользуемся теперь другими, наиболѣе важными документами, относящимися къ этому дѣлу, что дастъ возможность намъ еще глубже вникнуть въ сущность ученія Бабефа и въ его соціалистическій планъ организаціи общества равныхъ. Одинъ изъ этихъ документовъ носитъ названіе: Манифестъ Равныхъ. Однако манифестъ этого не былъ обнародованъ вслѣдствіе несогласія Комитета съ нѣкоторыми его положеніями. Извѣстенъ онъ сдѣлался уже во время процесса. Интересенъ этотъ манифестъ въ особенности тѣмъ, что осуществленіе дѣйствительнаго равенства „равные“ полагали не въ юридическомъ равенствѣ, то есть въ равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, и не въ политическомъ равенствѣ, которое еще само по себѣ не могло устранить зла, порождаемаго дѣленіемъ людей на имущихъ и неимущихъ, но усматривали его въ экономическомъ равенствѣ, которое только одно, на самомъ дѣлѣ, было въ состояніи устранить вопіющее зло нашей жизни, зло, покоющееся на эксплоатаціи народныхъ массъ немногими привилегированными. То есть „равные“ видѣли въ соціализмѣ спасеніе отъ того зла, которое и нынѣ продолжаетъ разъѣдать общество. Но „равные“ вовсе недумали выдвигать вновь на сцену „Аграрный законъ“ т. е. раздѣлъ полей—мѣру, предлагаемую въ то время многими соціалистами, дальше которой они не шли, такъ что и самый соціализмъ того времени

былъ извѣстенъ подъ именемъ аграрнаго закона; нѣтъ, „равные“ шли гораздо дальше этой односторонней мѣры, они требовали общности имуществъ и отмѣны частной собственности не только на землю, но и на продукты, производимые землею. Вотъ что говорится въ Манифестѣ Равныхъ объ этомъ:

„Аграрный законъ, или раздѣлъ земель, былъ лишь случайнымъ желаніемъ нѣсколькихъ солдатъ, которые не имѣли по поводу этого вопроса опредѣленной точки зрѣнія, а также нѣкорыхъ мелкихъ народцевъ, которые руководились въ этомъ направленіи болѣе инстинктомъ, чѣмъ разумомъ. Мы же имѣемъ въ виду нѣчто болѣе справедливое и высокое: *общее имущество* или *общность имуществъ*. Болѣе не должно быть частной собственности на землю: *земля не принадлежитъ никому*. Мы требуемъ и мы хотимъ общаго пользованія на всѣ продукты, которые производитъ земля: *ея плоды принадлежатъ всѣмъ и каждому*. Мы провозглашаемъ, что не можемъ болѣе выносить, чтобы подавляющее большинство народа изнуряло себя на наемной работѣ для того только, чтобы составить благополучіе незначительной кучки людей. Довольно уже долго (можно даже сказать: слишкомъ долго) группа менѣе, чѣмъ въ милліонъ людей, хозяйничала надъ тѣмъ, что составляетъ собственность болѣе чѣмъ 20 милліоновъ ихъ согражданъ. Но этого довольно наконецъ, и да сгинетъ этотъ проклятый строй, въ возможности существованія котораго будутъ сомнѣваться наши потомки! Пускай же, наконецъ, сотрется это возмутительное неравенство между имущими и неимущими, между господами и наемниками, между тѣми, которые управляютъ и тѣми, которые подчиняются! Отнынѣ не должно быть больше никакого другого неравенства между людьми, кромѣ неравенства, которое зависитъ отъ пола и возраста! Пускай же отнынѣ всѣ получаютъ одинаковое воспитаніе и одинаковыя средства къ существованію, на томъ основаніи, что отъ природы всѣ надѣлены равными способностями и имѣютъ однѣ и тѣже потребности. Могутъ же довольствоваться люди однимъ и тѣмъ же солнцемъ и однимъ и тѣмъ же воздухомъ, что же мѣшаетъ имъ въ такомъ случаѣ удовлетворять свои потребности въ средствахъ сушествованія въ такой же степени поровну, какъ количественно, такъ и качественно?“

Познакомимся теперь съ самой организаціей задуманнаго возстанія. Документъ сюда относящійся носитъ названіе „Актъ возстанія“. Этотъ документъ, утвержденный Инсуррекціоннымъ Ко

митетомъ Общественнаго Спасенія 7-го мая 1796 года, представляетъ собою ничто иное какъ прокламацію, обращенную къ народу. Обнародованіе этой прокламаціи должно было послужить условнымъ призывомъ къ поднятію возстанія. Послѣ обстоятельной критики правительства—Директоріи и конституціи 1795 года и указаній на тѣ опасности, которыя грозятъ французскому народу, благодаря продолжающимся преступнымъ дѣяніямъ незаконно захватившей власть буржуазіи, послѣ этого предисловія „актъ возстанія“ содержитъ цѣлый рядъ статей, касающихся самого плана возстанія. Приведемъ тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе способны дать намъ ясное представленіе о мѣрахъ, немедленно же принимаемыхъ „равными“, чтобы осуществить предполагаемый переворотъ.

Первыя статьи этого акта являются какъ бы лозунгами поднимаемаго возстанія. Такъ статья I говоритъ: Народъ поднимаетъ возстаніе противъ тираніи. Ст. 2. Цѣль возстанія—это возстановленіе конституціи 1793 года, свобода, равенство, и общее благосостояніе.

Наконецъ, въ статьѣ, 3-ей говорится о самомъ выступленіи гражданъ и гражданокъ подъ предводительствомъ патріотовъ и призвукахъ колоколовъ и трубъ. Здѣсь снова говорится также о лозунгахъ возстанія, которые должны быть начертаны на знаменахъ. Но кромѣ уже приведенныхъ выше лозунговъ, о которыхъ упомянуто въ ст. 2-ой: (конституція 1793 года, свобода, равенство и всеобщее благосостояніе)—на другихъ знаменахъ должны были быть начертаны такія еще надписи: „Если правительство нарушаетъ права народа, возстаніе составляетъ для народа и для каждой его части самое священное изъ правъ и самую насущную обязанность“. Или: „Да будетъ каждое лицо, дерзнувшее присвоить себѣ верховную власть, немедленно предано смерти свободными людьми». Впрочемъ, эти послѣднія надписи не представляли изъ себя какихъ либо новыхъ лозунговъ, придуманныхъ „равными“; надписи эти были выхвачены изъ декларации правъ человѣка и гражданина, которая предшествовала популярной среди демократіи конституціи 1793 года, и тѣмъ болѣе были умѣстны въ данномъ случаѣ, что не только напоминали народу о незаконномъ присвоеніи власти буржуазіей, но и напоминали демократіи, попавшей подъ власть этой буржуазіи, что возстаніе противъ насильниковъ—самое священное изъ правъ народа.

Слѣдующія статьи акта говорятъ о дѣйствіяхъ, которыя не-

медленно же должны быть произведены возставшимъ народомъ. Напримѣръ 7-ая статья акта выражена такъ: «Народъ захватываетъ въ свои руки государственную казну, монетный дворъ, почту, министерства, а также всѣ магазины, какъ общественные такъ и принадлежащіе частнымъ лицамъ, въ которыхъ оказались бы предметы, могущіе служить дла продовольствія, или военные припасы".

Статья 11-ая имѣетъ такое содержаніе: «Оба Совѣта и Директорія, эти узурпаторы народной власти, будутъ распущены. Всѣ члены ихъ будутъ немедленно же преданы народному суду». Статья 15-ая обѣщаетъ, что «общественное и частное имущество будетъ отдано подъ охрану народа». Статья 20-ая говоритъ объ организаціи правительства, долженствующаго завершить дѣло только что произведенной революціи: «Забота о завершеніи революціи и дарованіе республикѣ Свободы, Равенства, и Конституціи 1793 года будетъ поручена Національному Собранію, составленному изъ демократовъ. Они будутъ выбраны возставшимъ народомъ изъ числа тѣхъ, которыхъ предложитъ Инсуррекціонный Комитетъ». Наконецъ 21-ая статья акта указываетъ, что «Инсуррекціонный Комитетъ Общественнаго Спасенія будетъ засѣдать безъ перерыва до самого конца возстанія».

Но и этому акту не пришлось быть обнародованнымъ. Какъ мы видѣли, „актъ возстанія" былъ утвержденъ Инсуррекціоннымъ Комитетомъ 7-го мая, но уже въ ночь съ 9-го на 10-ое мая Бабефъ и большинство его главнѣйшихъ сообщниковъ были арестованы. Преданіе разсказываетъ, что Бабефъ и Буонарроти въ тотъ моментъ, какъ къ нимъ вломилась полиція, работали надъ прокламаціей, обращенной къ французскому народу, которая должна была бы появиться немедленно же послѣ побѣдоноснаго окончанія возстанія. Бабефъ только что передъ тѣмъ дописалъ слова: „Народъ побѣдилъ. Тираніи не существуетъ болѣе. Вы свободны..." Въ этотъ моментъ друзья были арестованы, связаны по рукамъ и ногамъ и отвезены въ ближайшую тюрьму. Чересъ нѣсколько дней ихъ, впрочемъ, перевозятъ въ Тампль, куда переводятъ и другихъ соучастниковъ заговора и гдѣ они содержатся подъ усиленнымъ надзоромъ.

Исторія разсказываетъ, что «заговоръ равныхъ», былъ раскрытъ нѣкіемъ Гризелемъ, тайнымъ полицейскимъ агентомъ, сумѣвшимъ настолько внушить къ себѣ довѣріе «равныхъ», что Инсуррекціонный Комитетъ назначилъ его даже своимъ воен-

нымъ агентомъ. Этотъ-то Гризель и предалъ бабувистовъ Директоріи. Однако невольно поднимается вопросъ, неужели измѣна и предательство какого-нибудь члена «заговора равныхъ» могли погубить все дѣло заговора? И съ другой стороны, если только отнестись къ этому отрицательно, выдвигается вопросъ, были ли въ состояніи «равные» говоря вообще, осуществить затѣянный ими переворотъ? На это можно отвѣтить: и да и нѣтъ! Да!—потому, что народъ находился въ порабощеніи, потому что конституція 1795 года была непопулярна, потому что народъ еще не забылъ недавняго господства демократіи и популярной конституціи 1793 года, которая была составлена во время этого господства... Поэтому, есть нѣкоторое основаніе думать, что если бы Бабефу и его сообщникамъ удалось арестовать Директорію и затѣмъ захватить власть въ свои руки, то народъ оказался бы на сторонѣ заговорщиковъ. Это понятно! Но достигнута была ли при этомъ окончательная цѣль предпринятаго возстанія—осуществленіе экономическаго равенства? На послѣдній вопросъ возможно отвѣтить только отрицательно. Безъ сомнѣнія, народъ прислушивался со вниманіемъ къ словамъ Бабефа. Что дѣло происходило дѣйствительно такъ, это подтверждаютъ многочисленные свидѣтели такого внимательнаго отношенія народа къ новому ученію. Историкъ Оларъ указываетъ даже на сложенныя подъ вліяніемъ этихъ возрѣній пѣсни, распѣвавшіяся при явномъ одобреніи слушателей въ парижскихъ кофейняхъ, пѣсни, одно появленіе которыхъ во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ объ интересѣ народа къ бабувисткому соціализму. Вотъ эти пѣсни:

„Умирающій съ голода, разоренный, нагой, униженный, преслѣдуемый народъ! Что дѣлаешь ты теперь? Ты находишься въ унынiи. Между тѣмъ безстыдный богачъ, котораго ты когда то пощадилъ по своей добротѣ, оскорбляетъ тебя и утѣшается.«

„О, вы, машины для изданія декретовъ! Бросьте безъ сожалѣнія въ огонь всѣ ваши финансовые проекты. Жалкіе умы! Оставьте насъ въ покоѣ. *Равенство* сумѣетъ безъ васъ вернуть изобиліе“.

Съ такою же совершенно очевидностью можно установить, что, когда былъ расклеенъ на улицахъ Парижа извѣстный намъ плакатъ, излагавшій соціалистическое ученіе Бабефа, народъ отнесся къ его появленію съ живѣйшимъ интересомъ, съ другой же стороны правительство было крайне обезпокоено этимъ обстоятельствомъ. Не доказываетъ ли все это, что ученіе Ба

бефа возбуждало и настраивало въ извѣстномъ направленіи народныя массы? Наконецъ, и самый „Народный трибунъ“ Бабефа охотно читался толпою...

Но былъ ли усвояемъ этой толпою соціализмъ, составлявшій сушность новаго ученія? Конечно нѣтъ! Бабефъ самъ сознавалъ это лучше другихъ. Онъ прекрасно понималъ, что его соціализмъ непонятенъ еще народу, что народъ не былъ еще въ состояніи пойти за его ученіемъ, какъ таковымъ, и потому то рядомъ съ выставляемыми въ немъ соціальными требованіями Бабефъ вынужденъ былъ непрестанно напоминать народу о его попранныхъ правахъ, провозглашенныхъ декларацією 1789 года и почти осуществленныхъ во время демократической республики 1793 года. Вотъ почему именно Бабефъ въ числѣ своихъ требованій съ настойчивостью выдвигаетъ такой существенный для народныхъ массъ вопросъ, какъ возстановленіе конституціи 1793 года. Бабефъ схватывается за этотъ лозунгъ, такъ какъ конституція 1793 г. была популярна, понятна и желательна для массъ сама уже по себѣ. Выставить подобное требованіе для Бабефа означало обезпечить удачу самого возстанія. А между тѣмъ безъ сомнѣнія выставленіемъ такихъ лозунговъ Бабефъ нарушалъ цѣлость своего ученія, такъ какъ конституція 1793 года не только не уничтожала частной собственности, но опредѣленно высказывалась за ея сохраненіе и въ этомъ вопросѣ прямо противорѣчила собственному ученію Бабефа объ имущественномъ равенствѣ. Бабефъ, правда, разсчитывалъ послѣ побѣды возстанія произвести соціальный переворотъ насильственнымъ путемъ и затѣмъ заставить массы конкретно понять преимущество, созданное соціальной революціей, для какой цѣли и предполагалось созвать Національное Собраніе, составленное изъ лицъ, посвященныхъ въ заговоръ, которое и должно было своимъ авторитетомъ санкціонировать произведенный переворотъ. Однако можно почти утвердительно сказать, что соціальная революція Бабефа была во всякомъ случаѣ обречена на неуспѣхъ, даже если бы ему удалось осуществить первоначальный планъ заговора т. е. захватить въ свои руки власть. На самомъ дѣлѣ! Если толпа, проглатывавшая съ восторгомъ „Народный трибунъ“ и вносила въ свое сознаніе чувство глубокаго негодованія противъ существующаго неравенствв, негодованія, которое усиленно прививалъ къ ней Бабефъ, то несмотря на всю вражду, испытываемую ею къ господствующимъ классамъ, эта толпа все же была далека отъ бабувистскаго соціализма. Не-

сомнѣнно, толпа охотно послѣдовала бы за Бабефомъ, когда бы онъ пообѣщалъ ей перераспредѣленіе имущественныхъ благъ, возвращеніе въ руки награбленнаго богатства и тому подобное. Массы съ жадностью бросились бы за человѣкомъ, задумавшимъ вернуть народу узурпированныя права и богатства... Но развѣ это отвѣчало желаніямъ самого Бабефа: ввести общность имущества и навсегда лишить кого бы то ни было возможности пользоваться бо̀льшимъ, чѣмъ кто либо изъ его согражданъ? Вотъ чего не могли усвоить тѣ народныя массы, которыя вмѣстѣ съ Бабефомъ готовы были испытывать негодованіе противъ буржуазіи, нагло утопавшей въ роскоши, въ то время какъ большинство принуждено было переносить всѣ несчастія, связанныя съ войной и революціей. Но даже мало этого! Народъ не только не былъ въ то время способенъ понять соціализмъ, предлагаемый ему Бабефомъ, но и сталъ бы прямо во враждебныя отношенія къ нему, если бы Бабефу такъ или иначе удалось бы произвести соціальный переворотъ. Послѣднее во всякомъ случаѣ можно съ положительностью утверждать, говоря о крестьянствѣ, т. е. говоря о подавляющемъ большинствѣ французскаго народа. Это большинство—французское крестьянство—было несомнѣнно заинтересовано въ сохраненіи частной собственности. Оно только что, послѣ отмѣны феодальнаго права, получило въ руки эту давно желаемую собственность и жадно держалось за нее обѣими руками. Поэтому, если бы только упомянутое большинство французскаго народа могло дѣйствительно вникнуть въ соціализмъ Бабефа, оно не только сочло бы его верхомъ безумія, но и преступнымъ посягательствомъ на свои священныя права. Надо помнить, что борьба классовъ тогда еще не имѣла того ожесточеннаго характера, которымъ она отличается въ наше время и который она могла принять только послѣ того, какъ буржуазія, послѣдовательно разоряя мелкимъ собственниковъ, въ томъ числѣ и крестьянство, и превращая ихъ въ пролетаріевъ, отняла у массы всякую надежду войти въ соглашеніе съ нею и тѣмъ сама расчистила путь къ соціализму, постепенно разочаровывая и тѣхъ владѣльцевъ мелкой собственности, которыхъ она еще не успѣла пролетаризировать. Почва же Франціи того времени, когда жилъ и работалъ Бабефъ, была совершеннно не подготовлена для соціализма. . Вотъ почему можно почти утверждать, что „заговоръ равныхъ“ былъ заранѣе обреченъ на неудачу.

Существуютъ еще и другія доказательства, подтверждающія высказанное нами мнѣніе, доказательства очевидцевъ тѣхъ дней, которые въ своихъ запискахъ и прочихъ документахъ, сюда относящихся, не оставили никакого сомнѣнія, что заговоръ Бабефа не находилъ для себя поддержки въ широкихъ массахъ населенія. Напримѣръ, если поставить вопросъ: какъ встрѣтилъ народъ извѣстіе объ арестѣ Бабефа и его сообщниковъ, то мы можемъ получить только одинъ отвѣтъ: Болѣе чѣмъ равнодушно! На самомъ дѣлѣ, когда Бабефъ былъ арестованъ, то еще до того времени, какъ онъ и его единомышленники были отвезены въ Тампль, народъ во всякомъ случаѣ могъ бы сдѣлать попытку къ освобожденію «равныхъ». Однако такой попытки не было произведено. И это произошло не потому, что правительству удалось скрыть отъ народа мѣсто заключенія Бабефа; напротивъ тайна мѣстопребыванія Бабефа была скоро раскрыта и любопытные и сочувствующіе ему парижане цѣлыми днями толпились около тюрьмы, содержавшей узника. Но къ сожалѣнію это были только любопытные и сочувствующіе. Затѣмъ, когда вечеромъ 10-го мая Директорія донесла обоимъ Совѣтамъ о «раскрытіи ужаснаго заговора», который имѣлъ цѣлью «ниспровергнуть конституцію, умертвить всѣхъ членовъ законодательнаго корпуса, правительства, генеральнаго штаба и администраціи, и предать на разграбленіе городъ», когда Директорія вмѣстѣ съ этимъ поспѣшила извѣстить о заговорѣ жителей Парижа и для этой цѣли распорядилась расклеить по городу плакаты, изъ которыхъ граждане могли бы узнать объ опасности, грозившей имъ и во время предупрежденной Директоріей, то извѣстіе объ этомъ было встрѣчено большинствомъ парижскаго населенія прежде всего съ недовѣріемъ. Значитъ, или пропаганда Бабефа еще не успѣла проникнуть даже въ широкія массы парижанъ, въ чемъ позволительно сомнѣваться, или же масса относилась къ этой пропагандѣ какъ къ чему-то неосуществимому и потому совершенно даже не могла разсчитывать, чтобы «равные» дѣйствительно рѣшились осуществить свой замыселъ. Что послѣднее было вѣроятно, свидѣтельствуетъ еще то обстоятельство, что, когда народъ не могъ уже оставаться болѣе въ сомнѣніи въ существованіи заговора, онъ отнесся къ нему рѣшительно неодобрительно. Даже въ той средѣ, гдѣ по нашему представленію ученіе Бабефа могло бы разсчитывать на наибольшій успѣхъ, именно въ средѣ парижскихъ рабочихъ, арестъ и судьба Бабефа и его единомышленниковъ

почти не вызвала къ себѣ другого отношенія, кромѣ равнодушія. Парижскій пролетаріатъ тогда еще не предполагалъ, какого защитника своихъ интересовъ терялъ онъ въ Бабефѣ, такъ какъ даже въ этой средѣ Бабефъ былъ болѣе извѣстенъ и популяренъ какъ ожесточенный политикъ, но не какъ соціалистъ. Такъ мало были доступны соціалистическія идеи Бабефа и пролетаріату того времени.

Правда, еще до начала судебнаго процесса «равныхъ» демократы рѣшились произвести попытку захватить въ свои руки власть. Длъ этой цѣли демократы выбрали наиболѣе подходящій моментъ, когда помѣщенные въ клѣткахъ заключенные должны были быть переправлены въ Вандомъ. Однако эта попытка поднять по поводу этого возстаніе совершенно не удалась. Затѣмъ въ началѣ сентября 1796 года, оставшіеся на свободѣ заговорщики, въ количествѣ около 700 человѣкъ, пытались поднять возстаніе среди солдатъ. Для этой цѣли они невооруженной толпой направились въ Грензельскій лагерь съ криками: «Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ конституція 1793 года! Долой Совѣты! Долой новыхъ тирановъ!» Мало этого, чтобы расположить въ свою пользу войска, демократы несли съ собой угощеніе—вино, ветчину и колбасу. Но солдаты стали стрѣлять, и эта новая попытка поднять возстаніе имѣла лишь отрицательный результатъ, такъ какъ стоила жизни около ста демократамъ, частью убитымъ на мѣстѣ, частью разстрѣленнымъ впослѣдствіи по приговору суда. Далѣе, попытка освободить заключенныхъ посредствомъ подкупа тюремщиковъ, когда узники находились уже въ Вандомѣ, точно также не осуществилась. Вотъ почти и все, что было придпринято приверженцами «равныхъ», чтобы спасти жизнь людей, которые отдали себя на служеніе народу. Можно ли въ такомъ случаѣ настаивать, что ученіе и имя Бабефа пользовалось значительнымъ вліяніемъ среди населенія?

Наоборотъ, если только ученіе Бабефа было гдѣ либо серьезно принято, то такой средой была никто иная, какъ буржуазія, державшая въ то время въ своихъ рукахъ власть. Этимъ только и можно объяснить все то ожесточеніе, которое она проявила по отношенію къ бабувистамъ тотчасъ-же по раскрытіи заговора. Можно сказать, что буржуазія положительно затрепетала отъ ужаса, когда она основательно познакомилась съ планомъ «заговора равныхъ» и вникла въ сущность ученія Бабефа. Она то во всякомъ случаѣ сумѣла оцѣнить въ концѣ концовъ по достоин-

ству этотъ, представлявшійся ей чудовищнымъ и вызывавшій въ ней пѣну негодованія, соціализмъ Бабефа! Но и буржуазія не сразу разобралась, въ чемъ тутъ кроется дѣло, и можно предполагать, была почти готова допустить захватить себя врасплохъ. Держа послѣ 9 термидора въ своихъ рукахъ власть, крупная буржуазія смѣло глядѣла впередъ, она твердо вѣрила, что будущее принадлежитъ ей и что та самая демократія, о которой хлопоталъ Бабефъ, должна была служить накопленію ея богатствъ и ея величію. Она настолько вѣрила въ это, что само по себѣ ученіе какого-нибудь сумасброда, въ родѣ Бабефа, не могло даже въ сущности ее тревожить. Когда въ среду этой буржуазіи стали проникать слухи о заговорѣ соціалистовъ, она представляла себѣ мечтанія „равныхъ“ совершенно не въ томъ видѣ, въ какомъ они явились передъ ней впослѣдствіи. Самый соціализмъ Бабефа она смѣшивала съ не разъ выдвигаемымъ въ то время «аграрнымъ закономъ» и потому успокоилась на томъ, что издала декретъ, запрещавшій даже поднимать на сцену вопросъ о этомъ ненавистномъ для нея «аграрномъ законѣ». Мы можемъ поэтому безъ труда представить себѣ, какое негодованіе должно было охватить буржуазію, когда изъ разбора дѣла Бабефа она основательно ознакомилась съ бабувистскимъ соціализмомъ и когда она поняла, какими чреватыми послѣдствіями грозилъ этотъ соціализмъ ея безмятежному существованію. Бабефъ хотѣлъ отнять у нея всѣ ея завоеванія, онъ разомъ хотѣлъ уничтожить ея главное могущество, лишая ея самой существенной ея опоры — силы капитала.

И можно-ли удивляться тогда тому волненію, какое должна была испытывать буржуазія, ознакомившись съ письмомъ, написанномъ Бабефомъ Директоріи уже послѣ своего ареста? Письмо это начиналось такъ:

«Кай Гракхъ Бабефъ Исполнительной Директоріи.

Быть можетъ Вы, граждане директоры, сочтете ниже своего достоинства вступить со мной въ переговоры, какъ сила съ силой? Вы должны были убѣдиться, какимъ громаднымъ вліяніемъ пользуюсь я въ своей партіи, которая во всякомъ случаѣ можетъ сравняться съ Вашей. Вы должны были убѣдиться въ громадныхъ развѣтвленіяхъ моей партіи, и это убѣжденіе несомнѣнно приводитъ Васъ въ ужасъ».

Бабефъ, конечно, преувеличивалъ свои силы. Тѣмъ не менѣе уже въ маѣ 1796 г. бабувисты въ одномъ Парижѣ могли располагать 17,000 человѣкъ, не говоря уже о своихъ многочислен-

ныхъ развѣтленіяхъ въ провинціи. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что буржуазія пришла въ неописуемый ужасъ, когда ознакомилась съ содержаніемъ упомянутаго письма, поспѣшно опубликованнаго Директоріей во всеобщее свѣдѣніе, въ которомъ Бабефъ предлагалъ исполнительной власти войти съ нимъ въ соглашеніе и сообща осуществить задуманный имъ переворотъ, въ противномъ случаѣ грозя членамъ исполнительной власти мщеніемъ народа. На самомъ дѣлѣ, что могла извлечь изъ содержанія этого письма буржуазія, не смотря на то успокоеніе, которое старалось внести въ нее своимъ поведеніемъ Директорія? Не могла же она не почувствовать, что почва, по которой она такъ твердо ступала, заколебалась подъ ея ногами, когда она увидала, что всѣ завоеванныя ею пріобрѣтенія, которыми она такъ гордилась, могутъ быть сметены однимъ ударомъ поднявшейся противъ ея привилегій народной волной, и если даже не теперь, то впослѣдствіи? И негодующая, напуганная она тутъ же предала проклятію ненавистное ей имя Бабефа, имя тѣсно связанное съ ея грядущимъ пораженіемъ.

Чѣмъ и какъ только не старалась за то, потрясенная въ вѣрѣ въ свое могущество, буржуазія заклеймить «равныхъ».

«Злобныя и невѣдомыя доселѣ чудовища, коварные богоотступники, честолюбцы, человѣконенавистники, лжецы, убійцы, анархисты...».

Буржуазія изливалась въ потокахъ гнусной брани, прежде всего конечно высказывая въ этомъ свою трусость и малодушіе.

Изъ тогоже, вѣроятно, малодушія обвинители не рѣшились затронуть при разбирательствѣ дѣла Бабефа и его сообщниковъ, которое было поручено верховному національному суду, засѣдавшему въ Вандомѣ, вопросовъ, касающихся соціалистическихъ идей «равныхъ». Чтобы не дать даже возможности широкимъ народнымъ массамъ познакомиться хотя бы даже черезъ посредство судебнаго процесса съ опасными возрѣніями, рѣшено было совершенно не затрагивать самого вопроса объ этихъ идеяхъ и пройти молчаливо мимо него. Поэтому обвиненія противъ «равныхъ» были построены на другихъ основаніяхъ, и вопросы, предложенные присяжнымъ въ сущности сводились къ одному: производили ли подсудимые возбужденіе въ народѣ, клонившееся къ возстановленію конституціи 1793 года, а слѣдовательно къ отмѣнѣ конституціи III-го года? Отвѣтъ присяжныхъ оказался утвердительнымъ, вслѣдствіе чего Бабефъ и Дартэ были приговореныя къ смертной

казни, а Буонарроти и шесть другихъ къ ссылкѣ. Остальные 55 подсудимыхъ были оправданы.

Исторія разсказываетъ, что когда Бабефъ и Дартэ выслушали приговоръ, они вынули кинжалы и пытались заколоть другъ друга, чтобы избѣжать позорной смерти отъ руки палача. Но имъ не удалось достигнуть этого. Приготовленные изъ проволоки ими самими кинжалы могли нанести лишь легкія раны, которыя доставили имъ только лишнія тяжелыя страданія въ теченіе послѣдняго дня ихъ жизни. Это было 26-го мая 1797 года, а на слѣдующее утро осужденные гордо взошли на эшафотъ и сложили свои головы подъ ударомъ гильотины.

Мы уже доказывали, что предпріятіе Бабефа и его сообщниковъ было заранѣе обречено на неуспѣхъ. Другой вопросъ, каково было значеніе этого неудавшагося предпріятія? На этотъ вопросъ можно, безъ сомнѣнія, отвѣтить: огромное! На самомъ дѣлѣ, Бабефъ ясно понималъ, гдѣ кроются причины, почему, несмотря на не разъ выставляемое и провозглашаемое равенство, послѣднее было осуждено на небытіе? Лишь уничтоживъ частную собственность, служащую основаніемъ дѣленія людей на классы, и создавъ вмѣсто частной собственности общественную—общество будетъ дѣйствительно состоять изъ равныхъ членовъ. Какъ же Бабефъ разсчитывалъ создать это равенство? Отвѣтимъ на это словами историка Блосса:

«Бабефъ разсчитывалъ для достиженія этого организовать въ новомъ предполагаемомъ имъ обществѣ общественное имущество, составляемое изъ имѣній всѣхъ осужденныхъ и эмигрировавшихъ-реакціонеровъ. Благодаря отмѣнѣ наслѣдственнаго права это имущество должно было расти, и мало по малу захватывать всю страну. Главнымъ образомъ въ общественное пользованіе необходимо слѣдовало передать землю. Юношество должно было воспитываться по однообразной системѣ и воспитаніе его должно производиться въ обширныхъ національныхъ заведеніяхъ. Всѣ граждане обязаны принимать участіе въ общественно-полезныхъ занятіяхъ, которыми признаются: земледѣліе, ремесла и военная служба. Трудъ, предполагалось, раздѣлить по классамъ, соотвѣтственно отдѣльнымъ профессіямъ, каждымъ изъ этихъ классовъ должны были руководить выборные чиновники. Всякій гражданинъ обязанъ былъ вступить въ какой бы то ни было изъ этихъ классовъ. Произведенія труда должны быть доставляемы въ государственные и общинные магазины, и уже изъ этихъ послѣднихъ должны

были выдаваться гражданамъ въ равной долѣ тѣ продукты, которые необходимы для жизни. За лѣность назначались принудительныя работы. Употребленіе денегъ отмѣнялось. Вся же заграничная торговля должна была быть монополизирована самимъ государствомъ».

Если въ планѣ Бабефа организовать новое общесво было много несовершеннаго, въ этомъ ничего, конечно, нѣтъ удивительнаго. Взгляды Бабефа вырабатывались еще въ то время, когда было не только трудно, но и положительно невозможно разобраться въ новыхъ экономическихъ отношеніяхъ классовъ; поэтому и самыя коммунистическія доктрины Бабефа страдаютъ отсутствіемъ многихъ на нашъ взглядъ существенныхъ подробностей и все время, можно сказать, держатся около вопроса общественной собственности на землю, а также на продукты, получаемые съ земли. Правда, Бабефъ упоминаетъ и о другого рода собственности, которая должна перейти въ общественное пользованіе, но послѣдняго онъ разсчитывалъ достигнуть лишь постепенно, частью захватнымъ путемъ, частью путемъ измѣненія закона о правонаслѣдованіи. Но онъ не былъ въ состояніи предвидѣть будущаго: ни того расцвѣта промышленности, который принесетъ XIX вѣкъ, ни тѣхъ чудовищныхъ по своимъ размѣрамъ послѣдствій, которыя вытекали изъ этого промышленнаго развитія. Будущее было закрыто отъ Бабефа покровомъ тайны и онъ не смогъ раздвинуть завѣсу неизвѣстнаго, хотя уже на его глазахъ промышленное развитіе Англіи ступило именно на этотъ путь. Не будучи же въ состояніи предвидѣть, чего могутъ достигнуть производительныя усилія человѣчества, Бабефъ, понятно, въ своихъ коммунистическихъ стремленіяхъ долженъ былъ поневолѣ ограничиться лишь осуществленіемъ самого грубаго равенства. Въ основаемомъ имъ обществѣ воздержанію поэтому должна была-бы быть отведена далеко не послѣдняя роль. Не мудрено и то, что далеко не всѣ тѣ, которые такъ или иначе страдали отъ существовавшаго экономическаго неравенства, шли охотно въ ряды его приверженцевъ. «Коммунизмъ» Бабефа былъ слишкомъ бѣденъ и въ то же время казарменъ. Заслуга Бабефа заключается, слѣдовательно, не въ его планѣ устроить общество, а въ той рѣшительности, съ которой онъ подчеркивалъ противорѣчіе классовыхъ интересовъ-богатыхъ и бѣдныхъ, правителей и управляемыхъ. Устраненіе же этого противорѣчія Бабефъ справедливо видѣлъ въ коммунизмѣ. Лишь тогда, когда общество возьметъ

въ свои руки средства производства и обмѣна, регулируя въ то же время трудъ и потребленіе,—самое дѣленіе людей на имущихъ и неимущихъ, правителей и управляемыхъ уничтожится само собой. Въ этомъ отношеніи Бабефъ по всей справедливости долженъ считаться родоначальниковъ современнаго соціализма. Что коммунистическія доктрины Бабефа дѣйствительно имѣли громадное вліяніе на развитіе и распространеніе соціалистическихъ идей въ потомствѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія. Бабефъ, можно сказать, расчистилъ дорогу этимъ идеямъ, и его ученіе, очевидно, имѣло преобладающее вліяніе на другого французскаго соціалиста Бланки, который, какъ и Бабефъ, видѣлъ въ захватѣ пролетаріатомъ государственной власти одно изъ необходимыхъ условій осуществленія соціалистическаго строя. Даже самый методъ борьбы за эту власть Бланки всецѣло заимствовалъ у Бабефа. Не будемъ здѣсь указывать на ошибочность этого метода; исторія давно уже произнесла свой приговоръ по этому поводу. Не забудемъ того, что эти сторонники тайныхъ заговоровъ отдали свою жизнь за то дѣло, которому себя посвятили. Не забудемъ и того знаменательнаго мѣста «Манифеста Равныхъ,» которое говоритъ о конечной цѣли, воодушевлявшей этимъ борцовъ: «Французская Революція—лишь предвѣстница другой, еще болѣе великой, еше болѣе славной революціи, которая будетъ послѣдней». О какой революціи, говоритъ здѣсь «манифестъ», не предвидится ли здѣсь та будущая соціалистическая революція, которая воодушевляла и продолжаетъ воодушевлять соціалистовъ всѣхъ странъ?. И, конечно, мы ихъ потомки не можемъ не чтить памяти этихъ самоотверженныхъ людей; почему и имя Кая Гракха Бабефа должно навсегда сохраниться въ воспоминаніи пролетаріата, за котораго великій народный трибунъ сложилъ свою голову.

1 p 50 k

6372
9